

ЖИЛА-БЫЛА

ДАВНО ЭТО БЫЛО. В конце сороковых — начале пятидесятых годов охотничья тропа привела меня к окладке небольшой деревеньки. В темноте ночи я слышал лай собак, отдаленный разговор. Чтобы не нарушать покой жителей, я устроился у стога сена и смотрел августовскую ночь.

Утро было золотое. Сосны в зыбком тумане казались легкими, словно плыли по воздуху. Солнце еще не встало, роса пала на траву, расцветшие кусты. В деревне прокукарекал петух. Потонуло дычком — в деревне топили печи. Сколько кассо тумана углублялась постройка. Поздней ближе, я увидел вышку пойма, рубящая на озере рыбу, сараишки, конюшни, притулившиеся к жилью. Постройка составила дружелюбную улочку.

Признаться, до тех пор я не слышал, а может, и слышал, да не придавал значения, о таежной деревеньке, и, естественно, возник интерес к ее истории. У озера я встретил мужчину, любознательного о названиях поселка и времени его основания. «Крутой называется деревня», — ответил мужик, свернув меня строгим взглядом. — С трахать второго живем здесь, — я повернулся, вошел в ворота двора.

Стало понятно, что жители деревни испытывали впрямь к немалому с ружьем, случайно зашедшему в их таежный угол. Я направился вдоль улочки, в ее конце, за окладкой в крутых берегах металась речка. После дождя она была многоводна и шумлива. Виноу, на самом дне озера, был устьев, была устроена заграда, а там с низких дощатых мостиков по утрам крутящиеся женщины полокали белье. Через речку можно было перейти по мосту...

С ПУСТЯ ГОДЫ МОИ ИНТЕРЕС к этой деревне не ослаб. Мне удалось собрать материал по истории зарождения таежной деревни Крутой. Но рассказать о ней не довелось по причине невозможности раскрытия ошибок решений партии большевиков.

В истории нашего края довольно «белых пятен». Даже в той части, которая относится к «рождению» населенных пунктов. Такие «белые» прозошли до велью верховной власти. До недавнего времени об этом не разрешалось открыто говорить, не только писать в газетах. Однако, как талант писателя, из пенки слова не выжмешь. Значит, надо честно вычеркнуть из истории книг деревни Крутой.

Теперь, когда не остается уже в живых ее свидетели, ожидая событий тех лет, стоит уделить внимание для восстановления прошлого таежной деревни. А то ведь канет в Лету ее история, как незаметно исчезла она с лица земли. Новое поколение должно знать, через какие испытания и трудности пришли их отцы, деды и прадеды, какие жертвы были принесены в годы предельной коммунисты.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ и жизнь первой каполаем драматическим событиям. И во мне ничего не изменилось, не изменили. Основана же в 1932 году спецпереселенцы, выселенные под влиянием раскулаченных на разных районах Свердловской области.

Если изучается, что происходило в начале 30-х годов, то получается, что расселение и высылка деревенского населения происходила не всегда из-за богатства. Тому причиной был много рода. Не случайно их называли спецпереселенцами. Значит, переселили их по специальному указанию.

После XIV съезда партии встал курс на индустриализацию страны. Для успешного решения поставленной задачи требовались рабочие руки для строительства предприятий, разработки месторождений строительных материалов, заготовка леса, топлива. Добровольцев оказалось мало. Людям не хватало. Тогда и обратила особое внимание на деревню, где всегда можно найти работящего мужчину. Его нетрудно определить: подет хозяйство справно, значит, не лентяй, а очень трудолюбивый. Оттого он вел крепкое хозяйство: деляти лошади, столько же коров.

И беднота, та, что заманивала плодами труда зеленых мужиков, указывала ударным бригадам на «богатых» в расчете на то, что и из чего-то перепадет при дележке имущества раскулаченного. Так оно и произошло: словно камнями беднота набросалась на раскулаченных

ДЕРЕВНЯ КРУТАЯ

* Из истории родного края

хозяйства. Они не пропустят момента. И пошло тотальное разорение не только кулацких хозяйств, но и середняков. А выскла за этим переселение семей.

В деревнях действовали ударные бригады, члены которых описывали имущество раскулаченных. Записывали не только дом, сарай, сельскохозяйственные, корову, лошади, но и постельные принадлежности и вещи. В реестр заносили и «шторы старые, одеяла, тарелки, пальто и даже... портянки». Забирали все подряд, а людей разлучали и раздетыми выгоняли на улицу по собственным домам. Под дозвонгом борьбы с кулачеством шла планомерное разорение крестьянских хозяйств. Оттого потом в стране разразился голод.

Были приняты жесткие репрессивные меры, дабы «кулачки» и «кулацкини» не мешали рождению колхозов, крестьян отправляли в специально отведенные гетто места. Выполнил партию. На семью следовало иметь тир, лопату, пилу. На партию — столько-то зерна, колос, старинного инструмента.

Люди подарились, безвозмездному унижению и отчуждению от семьи женщины корей. Со всех деревень Архангельского, Красноуфимского, Маньжского и Сажинского районов было собрано в родных мест двести семидесяти семейств (парольные и дети, старики и инвалиды). Партия русских, татар, марийцев объединили в один особый отряд, выстроили в ряд, предупредили, чтоб не пытались разбежаться. За побег можно и вудю скарпать. Переселенцы поехали по сибирю на восток, дорогой, по которой сто лет назад прошли в Сибирь декабристы. По дороге вывалил телеги и кони стражи. Под дозвонгом сотрудников НКВД тапался скверный глас кулачества.

«Миграция населения в СССР представляет собой перераспределение рабочей силы на территории страны, производимое с целью более рационального размещения производительных сил и широкого освоения производных областей в слабоосвоенных районах страны. По измышлению датским, с 1926 по 1939 год на Урал, в Сибирь и Дальний Восток переселилось свыше трех миллионов человек» («Население мира», Москва, издво «Политическая литература», 1965).

«Переселенцы?» Было заданно выслано без куска хлеба и одежки. «Для широкого освоения природных богатств?» Для рабского труда под козым Исконные пехоты стали подвешиваться рабочими на том же Урале.

О БОЗ ДВИГАЛАСЯ КОДКО. Люди молчали. Не слышно детского плача, восклицаний женщин. Уширлись от дороги, сморщились с судьбой.

Среди 218 раскулаченных семей шла семья крестьянина из села Нижней Воды Маньжского района Николая Егорова. Рядом с двадцатипятилетним крестьянином шагала жена. В толпе слышались вскрикивания и жуткого ошарба лежал молчаливый. Тяжко на душе Николаю. За что вытала ему такая доля? Он имел в своем хозяйстве делятри лошади, если память не изменяет, корову и овечью. Овечьим словом, крепкое хозяйство было. Нет, никакой он не кулак, просто зарабатывал кусок хлеба неустанным трудом. В нижнюю пеху приработывал извозом, возил в Билимбай дровяный уголь и делятин кораб, дрова, лес. До весны работал на извозе. Потом, не разгибая спины, трудился на заводе, пилосе. С молоду он не прями к гулябе, не увлекался анном. На первом месте у него была работа. Однако его трудолюбие и достаток в семье привели не по душе голытьбе, доньям. От зависти наговорили на него и волверели раскулачиванию. Николай шагал по знакомой дороге с тяжелым камнем на душе.

Спецпереселенцев понесли в Билимбай Заводчане везало удавалось, увидев знакомых мужиков, — Николай, а тебе то за что?

Что было ответить крестьянину? Егорова пожимал плечами, пытался улыбнуться, но улыбки не получалось — ошарба выражено на лице выдало его душевное состояние.

— Останетесь работать при заводе, — предложил заводские.

— Над собой я не хожу, — с грустью ответил Николай.

Заводское начальство было изумлено, на знакомого рабочего человека, да где там! У охранников свой приказ.

На райцентра Первоуральска приехали сотрудники НКВД. Они распределили спецпереселенцев; большую партию отправили за Шайтанский увал, на Хомутской углевыжигательный участок, а девятую семей леснич-проводящий пост в глухомани, по кондовой осыпной тайге. Для проезда обоза проводящий выбрал место посуше. Да где такое место? Крутым было со ржавой водой.

То в дело телеги увязали по осн. Мужики, утопая в болотине по шиколотку, помогали лошадям, вытаскивали телеги, шаг дальше. Тайге не было конца. Одна из другой темнели сосны. Через их кроны по лучикам, как через сито, просеивалась солнечная свет.

Через несколько часов трагедийного пути обоз, наконец, выбрался из болотине на возвышенность. В этом месте сосны безвозмездно возстали близко к берегу, значит, здесь сухое место. Провожатый остановился, глубоко вздохнул от усталости:

— Пришли!

В глухом углу уральской тайги близ устья речки Крутой, которая под прямым углом впадает в Большой Шинши, переселенцам отвели место под жильство. Сразу же мужики приступили к работе. С троком падали могучие деревья. Сотни людей ковылялись среди бревен и леса. От темна до темна валял лес, корчевали они, отовсывали у тайги участки земли под строительство жилья. Делятри ютились в шалашах и землянках. Дождями крошечное конюшное племя.

За работой зорко поглядывал командант, горюпый людей. В первую очередь срубил бревна, потом «составил» дом комманданту. Когда осень дымнула проливной, успели построить деляние бараки. Жилые приходилось по небольшой комнатшке, а то и просто угол на семью. Это потом каждая семья поднимет комок над своей пещей, а первое время жили в бараках, в тесноте, да не в обиде на судьбу.

ЖИЗНЬ СКЛАДЫВАЛАСЯ ТРУДНО. За общественным повелением и предпринятым воблеке кадриала коммандантура НКВД. Коммандант строго следил за исполнением договоров о трудовом использовании спецпереселенцев, которые заключались между учреждениями исправительно-трудовых колоний НКВД и предприятиями. Он же распределялся судьбой переселенцев. Коммандантом был Пьянков из Новой Утки. Отлучиться из деревни на срок свыше 24 часов не разрешалось. Ежедневно глава семьи отмечалась у комманданта. Люди жили и работали, как при крепостном праве. Попробуй без разрешения комманданта выйти за зону! Ну, чем не крепостные? Да нет же, кто при помещиках были крепостные, теперь стали закрепощенные — одно и то же — правдивые. Они были бесправны — не имели паспортов, были лишены избирательных прав, тем не разрешалось покидать местожительство, выходить за пределы зоны.

Юрий ДУНАЕВ, крестьян.
(Продолжение следует)

